

Сергей Гуреев

Мой удивительный февраль. Том 2

Самый лучший сезон

Сергей Гуреев

**Мой удивительный февраль.
Том 2. Самый лучший сезон**

«Издательские решения»

Гуреев С.

Мой удивительный февраль. Том 2. Самый лучший сезон /
С. Гуреев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836879-0

Во вторую книгу «Самый лучший сезон» вошли стихи и песни, написанные в многочисленных экспедициях по Сибири и горам Алтая и Саян в семидесятые-девяностые годы прошлого века, впечатления о поездках в разные страны, которые начались уже в двадцать первом веке, а также лучшие стихи о временах года, включая самый замечательный месяц — февраль.

ISBN 978-5-44-836879-0

© Гуреев С.
© Издательские решения

Содержание

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!	6
Глава 1. По горам по долам	8
Жизнь в рюкзаке	9
Новый Год в Сураново	10
Друзьям-герпетологам	13
Острова	15
Таёжный романс	17
Таган	18
Орнитолог на НП	20
Комплекс – 1978	22
Заброшенные деревни	24
Кузнецкий Алатау	25
Эти горы вдали	27
Пора птичьих забот	29
Кольцо на лапке	30
Сезон в полях	32
Страдания энтомолога	33
Грызуны	35
Черневая тайга	36
Таёжный фокстрот	37
Мензуральная съемка	39
Прощальная	41
Ты поверь	42
Песня отрядного начальника	44
Грустная горная песня	46
Дуэт с внутренним голосом	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мой удивительный февраль. Том 2 Самый лучший сезон

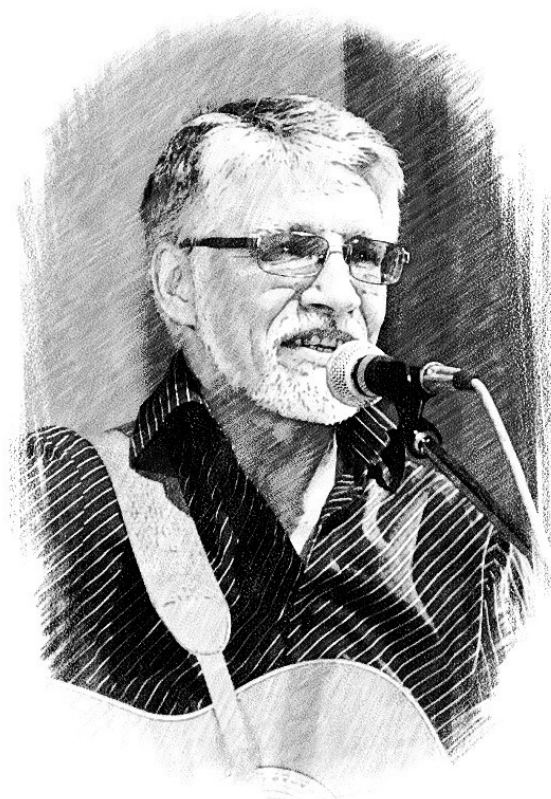
Сергей Гуреев

Рисунок на обложке и все фотографии в книге автора

© Сергей Гуреев, 2018

ISBN 978-5-4483-6879-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Я искренне рад новой встрече с вами. В цикле стихов и песен «Мой удивительный февраль», который впервые выходит сразу в пяти томах, собрано лучшее, что мне удалось написать за более, чем 40 лет трудного, но очень интересного творческого пути. Почему февраль, да еще удивительный? Всё очень просто – я родился в феврале, и он для меня самый лучший, самый трогательный и самый увлекательный месяц в году.

Во вторую книгу «Самый лучший сезон» вошли стихи и песни, написанные в многочисленных экспедициях по Сибири и горам Алтая и Саян в семидесятые-девяностые годы прошлого века, впечатления о поездках в разные страны, которые начались уже в двадцать первом веке, а также лучшие стихи о временах года.

О себе писать всегда не просто. Поэтому предоставлю это право моим друзьям.

«...Как, всё-таки, удивительно и необъяснимо отношение человека к стихам. Ещё в детстве все нормальные люди их недолюбливают, приходят в ужас от поэм и не понимают, для чего в жизни может пригодиться какой-нибудь «ямб» или «хорей»?

Однако с возрастом, нет-нет, да и заглянешь в чей-нибудь зарифмованный томик, а то и сам чего-нибудь этакое натворишь. Поскольку, почти каждый нормальный, тем более ненормальный человек пробовал как минимум поиграть в «буриме» или с трудом придумать рифму на слово «пакля», то большим уважением и почитанием пользуются люди, у которых *это* получается легче, красивее, точнее, образнее, интереснее, смешнее, остроумнее, актуальнее... короче, получается.

У *Сергея Гуреева это* именно так и получается.

Вы никогда не встречали в его стихах или песнях строчки о себе? Значит, Вы пока ещё не были объектом его посвящений. А это так приятно: всё без яда и злобы – и обидеться хочется, и не на что.

А слабо Вам пытаться в одном темпе с ним что-нибудь сочинять? И не пытайтесь. Иначе Вы очень быстро почувствуете себя творческим импотентом. Он же пишет на любую тему, с любой скоростью и в любых условиях!

Поэтому его стихи обижают. Обижают тем, что ты сам так никогда не напишешь и не скажешь. Обижают какой-то своей недостижимостью и непредсказуемостью. Неожиданные рифмы, не стандартные сюжетные повороты с одновременной легкостью сочинения – дар редкий. Дар, так удачно и своевременно данный очень хорошему человеку».

Сергей Кудряшов

Вадим Кусков

«Друзья! Если вместо привычного тёплого гамбургера Вам в руки случайно попала книга Сергея Гуреева, то не пытайтесь всё сразу запивать пивом или самим что-то в ответ настроичить. Автор, казалось бы, серьезный человек, полдоктора наук, дед семейства, есть, что обдумать, что постирать, а туда же – ухватился за перо и давай рифмованно выражаться. И было бы понятно, когда бы мы все по стихам с ума сходили. А то ведь большинству из нас любовь к поэтическим словесам ещё в глубоком детстве прищемили.

Затрудните себя взглядом на портрет автора. Что мы видим? – нос накладной, аккуратные борода и усы явно приклеены, и только случайно забытые на носу очки выдают в нём недюжинный талант орнитолога, наделённого поэтическим даром.

Вы что сейчас подумали, что наука потеряла, а поэзия приобрела? Ничего подобного! Никто ничего не приобрёл, а потеряли как раз те, кто ещё не читал, не слышал и не привлекался. Чего отвернулись? Это я вам! Вы что, так и будете стоять на обочине или бродить по тём-

ным, глухим задворкам? Хлебаните из источника, пока он здесь и недорого. Может быть, потом спохватитесь и будете локти друг у друга кусать.

И ещё. Прежде чем изображать из себя умного розовощёкого критика, морщить нос, закатывать глаза и заламывать руки, пойдите вкопайте дерево, квартиру отремонтируйте, сына отшлёпайте, короче – выполните своё жизненное предназначение. А потом сядьте вечером с этой книгой, и окунитесь в мудрую, весёлую, ироничную и неожиданную поэзию, чтобы не засохнуть».

Фёдор Краснояров

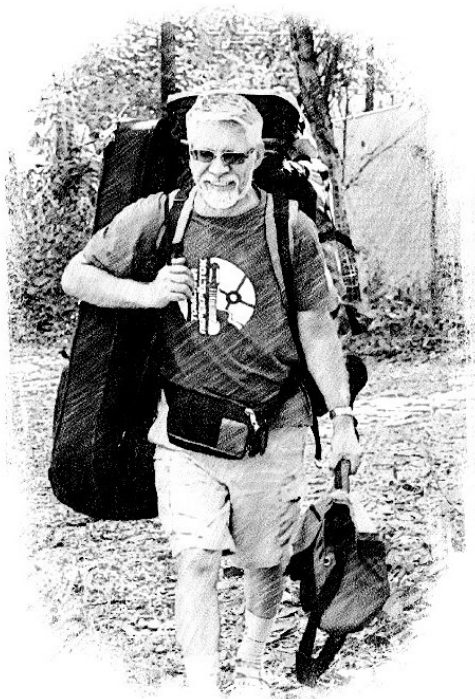
От себя лишь добавлю, что для того, чтобы каждый смог выбрать что-то для себя и не листать всё подряд, я разбил все произведения на тематические разделы, а внутри разделов расположил от более ранних, к самым поздним, по сути сегодняшним. Впрочем, если Вы всё-таки осмелитесь прочитать или хотя бы полистать эти книги, то прекрасно во всём разберётесь сами.

Я искренне признателен моим друзьям, сподвижникам, соучастникам многих-многих фестивалей Владимиру Трубину и Виктору Коротченко, любезно предоставившим мне часть фотографий для оформления этой книги.

Все люди, в общем, как карандаши —
Кто пишет, кто тупит, как будто спьяну.
А чтобы это было от души,
Затачиваться нужно постоянно!

Всегда ваш,
Сергей Гуреев

Глава 1. По горам по долам

Жизнь в рюкзаке

Мне твердят, что туристская жизнь хороша,
Мне твердят, как прекрасен таёжный уют,
Мне твердят, что с душою сольётся душа,
Если снова маршруты меня позовут.
 Значит, что там раздумывать – надо идти,
 Пусть сомнения груз слоём пыли лежит.
 Значит, чьи-то рассветы встают на пути,
 Значит, в старый рюкзак умещается жизнь.

Пусть со злобою кто-то пыхтит за углом,
Перепулав на нашей гитаре лады,
Мы настроим по сердцу и снова споём,
Запивая глотком родниковой воды,
 Про пахучие зори над синей водой
 И летящие за горизонт миражи,
 И про то, как легко мы шагаем с тобой,
 Если в старый рюкзак умещается жизнь.

И не надо торжественных слов говорить,
Здесь понятней простые: – «Здорово – Привет!».
И заморских подарков не стоит дарить,
Нам дороже над лесом встающий рассвет.
 Нам милее сиянье костра на реке,
 Где манящее пламя как парус дрожит,
 Где теснее рука припадает к руке,
 Где в наш старый рюкзак умещается жизнь.

Мы теряем друзей и находим их вновь,
Километрами строк наши песни легли.
От тяжелых маршрутов не гаснет любовь,
А пылает на всех перекрёстках земли.
 Мы измерили шагом десятки дорог,
 Мы срывались со скал и купались во ржи,
 И опять покидаем родимый порог,
 Пока в старый рюкзак умещается жизнь.

Новый Год в Сураново студенческий праздник с печкой, санками и морозом

Электричка загудела,
В двери кинулся народ,
И кому какое дело,
Кто кого куда везёт?

Здесь Казанцева Танюшка,
Ну, а с нею целый взвод —
В нашей маленькой избушке
Дружно встретим Новый Год!

Полтора часа сидели
Кто на ком, и кто на чём,
Не стоять же, в самом деле,
Если рядом есть плечо.

Кто-то крикнул – Выгружаться!
Ведь Сураново уже!
Пошевеливайтесь, братцы,
Зимний праздник на душе!

Я по снегу вдоль дороги
Семеню, как павиан,
Мне подкашивает ноги
Наш недельный провиант.

Подхожу к чему-то, маюсь,
Говорят – тот самый дом.
До сих пор не понимаю,
Как же люди жили в нём?

Он с крылечка и до свода
Белым снегом занесён,
А санузел с огородом
Почему-то совмещён.
А внутри такая печка —
Вся из дырок и щелей!
В ней мороз засел навечно,
Хоть ложись и околей.

Разжигали целым миром,
Загорелось в пятый раз —
Сизый дым пошёл в квартиру,
Надевай противогаз!

Разгорелось мало-мало,
Ну, давай дрова! Пошло!
Только сразу в поддувало
Улетает всё тепло.

Позастыли льдинки-слёзы,
Не поесть, не отдохнуть,
И решили на морозе
Проложить свой санный путь.

По накатанному следу
Принимай! Таскай! Лови!
Эх, зачем я напоследок
Санки лбом остановил?

А в избе температура
Подскочила до нуля.
Раздевайся, друг мой, Шура,
Дали свет, пора гулять!

Мужики пришли с вокзала,
Греют сизые носы —
Непогода задержала,
Нет ни «левых», ни такси.

Все забегали с азартом,
Скоро встреча, праздник, мол!
Мужики играют в карты,
Девки мечут всё на стол.

А потом так навстречались
В ожиданье чудных грёз —
Кой-кого не откачали,
Кто на улице замёрз.

Спали все, как в электричке,
Кто на ком, и кто на чём.
И братухи, и сестрички,
В общем, было горячо!

Предлагаю вам, народы,
Здесь излишне не кричать.
И все будущие годы
В этом домике встречать!

01 января 1975

Друзьям-герпетологам или история о том, как тяжело добираться до полевой практики в с. Поздняково на Оби

Я поехал в Поздняковку,
Жить в общежитии нету сил,
Заржавелую подковку
Я на счастье прихватил.
Думал, время проведу без огорчений,
Но свалились на беду приключения.
Мать их, растак!

Наш автобус – вот зараза,
Опоздал на целый час.
Ну, а катер – этот сразу
Пассажирам дал отказ,
Мол, вода в движке кипит, 100 по Гринвичу,
Но просили заплатить по полтинничку.
Мать их, растак!

Тот движок сперва работал,
А потом совсем зачихал.
И давай мы из-за борта
Воду ведрами качать.
Был товарищ из УГРО, с виду sereneкий,
Утопил своё ведро возле берега.
Мать его так!

Два часа мы телепали,
Капитана слыша рык,
От него сполна узнали,
Чем богат родной язык.
Напоследок он в сердцах плюнул с палубы,
На пути стоял пацан, сбило малого.
Мать их, растак!

Я согнулся буквой странной,
На плечо взвалив рюкзак,
Тридцать восемь килограммов
И дороги нет назад.
В нижней области спины что-то треснуло,
Рвутся томские штаны, знамо, местные!
Мать их, растак!

Чуть вперёд продвинул тело,
Чтоб ногам опору дать,

Тут гнусьё поналетело
И давай меня съедать.
Я и рысью, и в галоп, как положено,
А они – то в глаз, то в лоб, твари божие!
Мать их растак!

Шесть кило́метров осилил,
На спине мозоль натёр.
Широка страна Россия,
Много речек и озёр!
И куда ж меня несёт, други-вороги,
Это ваши козни всё – герпетологи!
Мать вашу так!

с. Поздняково на Оби, июнь 1977

Острова на Оби в июне

Острова кругом, острова,
Под размеренный дизельный стук.
Где же мне найти те слова,
Чтоб растаяла горечь разлук.
Но двигун – он упрямо и зло
Прибавляет к минутам года.
Их нести одному тяжело,
А кругом всё вода, да вода.

Припев:

Острова, не знакомые прежде,
Их пугаются только невежды.
Ведь бывает же остров Надежды
И хотя бы надёжный мысок.
И вся жизнь – это маленький остров,
Но на нём заблудиться так просто,
Пусть ты даже высокого роста,
Ну, а я-то совсем не высок.

Мне бы скинуть с плеч этот груз
И под парусом плыть на süd-ost,
Чтобы ветра солёный вкус
Растопил одиночества пост.
Чтобы вновь услышать тишину,
И руками ловить облака,
За кормой оставляя вину,
Что тебя нет со мною пока.

Припев:

Катерок мой, упрямый чёрт
Разрезает тугую волну.
И надежды летят за борт
И, растаяв, идут ко дну.
А кругом всё вода, да вода,
И твой берег заметен едва.
Что разлука, какая беда?
Но куда подевались слова?
 Хоть вся жизнь – это маленький остров,
 Но на нём заблудиться так просто.
 И стихов неоконченных остов
 Потерялся, зарывшись в песок...

на Оби, 1977

Таёжный романс

Позаросли мои дороги,
Пооблетели деревья.
Ты не буди во мне тревоги,
О том, что кончились дрова,

О том, что завтра я проснусь,
Примёрзнув к спальнику спиной.
И безнадежно поплетуся
Совсем разбитый и больной.

Когда опять тайга укрылась тишиною,
Тогда опять под шальной луною
На все окрестности Берикуля
Истошным криком орёт косуля!

Не бреди моих желаний,
Мою тоску не бреди.
И не буди воспоминаний,
И мужиков ты не буди.
Они и так поизносились
В пустых погонях за тобой.
Ты видно им опять приснилась,
Оставь ребят. Иди домой.

Но тишина вновь разорвалась надо мною,
И вот опять под шальной луною
На все окрестности Берикуля
Истошным криком орёт косуля!!!

август 1978

Таган

Летом ездили в разведку мы,
Нас с гитарой было семь.
Есть зверушка очень редкая,
А, может, нет её совсем?
Эта тема не изучена,
Так что по моторкам и гребни
В экспедицию научную
На Таган – приток Оби!
 Ах, Таган, ты мой Таган,
 Комарья сплошной туман.
 Всё озера да поля.
 Эй, вы где? Выхухоля?!

Натерпелись, братцы, лиха мы,
В старом русле, как в тисках.
Кто бы видел эту выхухоль,
Где ваще её искать?
Потому – то спор, то лекция:
Где наш спирт? Где бабы? И про власть,
Чего есть и нету в Греции,
И,.. вообще-то трефы масть!
 Ах, Таган, ты мой Таган —
 С виду вроде не поган.
 Что нам эти «красуля»,
 Если нет выхухоля?!

Мы всё время под нагрузкою,
Ведь жила же столько лет!
Ведь она же наша, русская,
В целом мире больше нет.
Вид древнейший самый, знамо-то,
Он эндемик, надо ж понимать!

Он ваше ровесник мамонтов!
А, может, вымер?.. Вашу мать...
Ах, Таган, ты мой Таган —
Ты кривой, как ятаган.
А в сетях – трава, как тля,
И ни одной, выхухоля?!

Скоро надорвались жилами,
Столько выпить – и всё зря!
Поспросили старожилы мы,
Тех, что видели царя.
Рыло у неё удалось,
Сверху ценный мех, не чешуя.
«Нет! Давно не попадалася,
Так что нету ни... чего!»
Ах, Таган, ты мой Таган —
Пропадаю в «драбадан».
Кто сказал – Езжай в поля?
Нету здесь выхухоля!

Изорвали снасти ловчие
По заросшим берегам.
И совсем не спали ночью мы,
Ну, их всех, ко всем богам!
Бедный шеф, щепой распластанный,
На сосну вчера пошёл он зря,
За версту теперь по пластырю
Нас узнают егеря!
Ах, Таган, ты мой Таган.
Дробовое – не наган.
Что нам делать пользы для,
Если нет выхухоля?!

Мы осокой поизрезаны
И покусаны мошкой.
Уж который день тверезые
Ходим с умною башкой.
И от плёса до излучины
Только тошнота, да маята.
Вы совсем меня измучили,
Заповедные места!
Ах, Таган, ты мой Таган —
Хуже всякого врага,
Только песня вкруголя
Про того выхухоля!

июнь 1976 – 2012

Орнитолог на НП

А я сижу, сижу, сижу,
А я гляжу, гляжу, гляжу,
Чего бы там, чего бы где не пролетело.
Вот стаю уток пронесло,
А там как-будто НЛЮ,
А там – какое-то космическое тело!

Всё это хочется запить,
И ни одной не пропустить.
Сейчас приму и сразу садану дуплетом.
Постой, куда же я попал?
Там кто-то, кажется, упал.
А Сашка где? Там Сашка был! И Сашки нету...

Какой прекраснейший обзор,
Я расширяю кругозор
И птиц легко определяю по полёту.
Вон у того тяжёлый взмах
И крыльев саженный размах,
А этот носится подобно самолёту!

Нет, я, пожалуй, что устал,
Опухли нижние места,
И глаз не тот, и что-то, в общем, не сидится.
Когда закончится пролёт,
Мне может кто-нибудь нальёт?
А то не долго так и вовсе простудиться!

Ты посмотри, всё тот же друг!
Так-так, опять летит на юг,
И чем его прельщает эта заграница?
Пусть там тепло, пусть там светло
И корма разного полно,
Зато там с каждым может всякое случиться.

Послушай, улетаешь зря,
У нас такие егеря!
У нас охота в срок, не поздно и не рано.
У нас осенняя пора,
У нас кругом инспектора,
А там у них нет ни природы, ни охраны.

Так что напрасно не дерзай
И поворачивай назад.
У нас стреляют только дробью, а не пулей.

А если всё ж не повернёшь
И за границу улизнёшь,
То я весной тебя тогда укараулю!

Нарым – Томск, 1976

Комплекс – 1978

экспедиция НИИББ

После долгих разговоров
Заклучили договор,
И впервые родился «Комплекс».
Златоносный Берикуль
Удивляйся и ликуй,
Принимай работяг из Томска.
 Дайте только срок – засверкает ток,
 Наши горы затмят Курилы.
 Будет город тут, далеко пойдут
 И Гавриловка! И Гаврилыч!

Посреди зелёных гор
Каждый день горит костёр,
И палатки растут грибами.
Между склонов и полян
Мы заложим профиля,
А потом заживём страстями.

Километр-другой прошагать с тобой,
Ручейки пересечь без броду,
И без лишних слов, не ломая дров,
Для других сохранить природу.

Цель у всех одна и та же,
Показать в работе нашей
На кого эта ЛЭП влияет.
Но пока, насколько понял,
Из людей никто не помер.
А что будет – никто не знает.
 Мужики в лесу, пооббив росу,
 Трассу ЛЭП пролагают дружно.
 В считанные дни лес свели на пни,
 Вот что значит мужчина с «Дружбой»!

Мы и роем, мы и моем,
Мы и сеем, и коеем,
Мы же «джельтмены»! Где же леди?
Обещали же вначале,
Видно кинул нас начальник,
Что-то долго он к нам не едет.
 Напролом идёт наш лихой народ,
 Он любой институт украсит.
 Через пару лет мы протянем ЛЭП,
 А потом уж, гуляй, Вася!

Кузнецкий Алатау 1978

Заброшенные деревни

Я когда-нибудь пройду по сибирским деревушкам,
По не писаным страницам вековой старины,
Что заброшены давно, как забытые игрушки,
Что полны покоя вечной тишины.
Как покинутые гнёзда эти дряхлые избушки,
Ни своих птенцов не встретить,
ни чужих не приютить...

Я когда-нибудь пройду по сибирским деревушкам,
Тем, в которые никто не прилетит.

Укоризненно глядят близорукие оконца,
И распахнутые двери, и заваленный плетень.
И поникли журавли, ведь не птицы, не колодцы —
Никого не напоить и никуда не улететь.
Не услышать перезвона подвенечных колокольцев,
Не отведать каравая
и печурки не согреть...

Укоризненно глядят близорукие оконца,
Да, им, в общем-то, и не на что глядеть.

Я когда-нибудь приду, никого не повстречаю,
Не увижу то, что раньше никогда я не встречал.
Я пройду по деревням одиноким и печальным,
По заброшенным истокам всех начал.

Эти старенькие срубы в переплётках паутины.
Этот сказочный журавль.
Это – бабушкина Русь...

Я когда-нибудь приду помянуть твои седины,
Я когда-нибудь один сюда вернусь.

1978

Кузнецкий Алатау

Мне бы взять, написать бы про горы,
Мне бы взять, про дожди написать.
Про бескрайние эти просторы,
Про таёжные эти леса.
 И ручьев говорливые нити
 Мне б суметь между строк положить,
 Только всё это надо увидеть
 И один на один пережить.

Чтобы знать, что таят в изумрудно зелёном
Наряде глухие распадки и склоны,
И как обжигает холодной росой,
Когда наступаешь подошвой босой,
 Если пятые сутки дождями грохочет,
 И днями от молний становятся ночи,
 А ты ещё даже не знаешь про дочку,
 И только с надеждою пишешь домой...

Но бумага давно отсырела,
По-осеннему плачет июнь.
А в потрёпанной книжке Даррэла
Пыльным зноем парит Камерун.
 Ты скучаешь, ты любишь кого-то,
 Ты в молчанье задумчив и строг,
 И таёжная наша работа
 Оседает усталостью ног.

Чтоб понять, чем так манит к себе Алатау,
О чём по ночам нам ветра проболтались,
Как между вершин облака провисают,
Как глухо в тумане звучат голоса.

Чтоб надолго запомнить речные узоры,
Чтоб сердце гремело нагретым мотором,
Чтоб завтра суметь рассказать вам про горы,
Чтоб завтра суметь про дожди написать...

Кузнецкий Алатау, июнь 1978

Эти горы вдали

Эти горы вдали.
Из спокойных долин мы уходим.
Склон отвесно крутой,
Чуть повыше, браток, перевал.
А на той стороне
Солнце жёлтое медленно всходит.
Помню, как-то во сне
Я на той стороне побывал.

Эти горы вдали
Не высокие и не крутые,
Ты мне скажешь: —
«Оставь это, друг, я мечтал о другом».
Но когда я стою на вершине
И с нею «на ты» я,
Только небо кругом,
Только небо кругом.

Если горы вдали,
Есть свои «Жигули» на колёсах,
И тяжёлый подъём
Ты оставишь опять на потом.
И в больших городах
В пыльном воздухе хлюпаешь носом,
На четвёртый этаж,
Задыхаясь, доходишь с трудом.

Но гордишься, что в детстве когда-то
Ты падал со стула,
Что карабкался в полный автобус,
Вгрызаясь в металл,

Что потел, когда сборная наша
Бразильцам продула.
И что горы, далёкие горы
В кино повидал.

Только горы меня
Всё зовут и зовут, не случайно
Я ночами один на один
Говорю с высотой.
Тороплюсь я туда,
Где бывал человек изначально,
Не мечтая в свой каменный век
О квартире пустой.
Здесь не пахнет бензином,
И тропы асфальтом не тают,
На потёртый пунктир переходов
Не тратят белил.
И сегодня, вернувшись домой,
Я назавтра мечтаю —
Эти горы вдали, эти горы вдали...

1978

Пора птичьих забот

После грозы капли росы ярко искрятся.
Ротой солдат пихты стоят в плотном строю.
Среди листвы и синевы разные птицы,
В шумных лесах их голоса, словно в раю.
 Снова весны игра к жизни зовёт,
 Снова пришла пора птичьих забот.
 Снова уплыл рассвет за горизонт,
 Снова нам шлёт привет летний сезон.
Новый аккорд, в шёпоте гор трель разнесётся,
И подхватив этот мотив с разных концов,
Как на подбор утренний хор вслед отзовется,
Грянет гурьбой песенный бой старых самцов.

Как хороши в этой глуши ранние зори,
От лепестков свежих цветов запах густой.
С шумом в кустах пение птах весело спорит,
Не описать, не передать музыки той.

Вот по стволу поползняя стук, нервный и частый,
Где-то дупло, это его маленький дом.
Там в темноте куча детей очень горластых,
Быстро бежит трудная жизнь в домике том.
 Снова звенят ключи, стынет вода,
 Снова нас сто причин манят сюда.
 Снова назло ветрам кто-то поёт,
 Снова пришла пора птичьих забот.

Кузнецкий Алатау, май 1979

Кольцо на лапке

Наша хата, хоть и с краю,
но немного протекает,
И её необходимо старым тёсом подлечить.
Я на крыше, словно зодчий,
только щепочки летают,
И от позднего «барокко» ни за что не отличить.

Но при виде эскулапа
вдруг примчался птичий папа,
Как любой глава семейства
сразу стал права качать.
И пернатая мамаша подлетела тихой сапой
И давай от возмущенья не по-нашему кричать!

«Нет житья на белом свете!
У меня под крышей дети!
А от грохота такого им и корм не поклевать!».
Отложил топор в сторонку,
нынче всё же Год ребёнка,
Но решил на всякий случай тех детей окольцевать.

Чтобы даже на зимовках
в отдалённых странах южных
Заграничный орнитолог – хер ли, мистер или сэр,
Прочитав кольцо на лапке,
с удивленьем обнаружил,
Что вот эта трясогузка родилась в СССР!

Чтоб и птицы в странах дальних
мест родных не забывали.
На заморские красоты чтоб не пялили глаза.
Чтоб всегда об отчем крае
говорили как о рае,
И чтоб каждую весною возвращались назад!

Кузнецкий Алатау, май 1978

Сезон в полях

Сезон в полях – совсем не лёгкий труд,
Его осилить сможет не любой.
И каждый неоконченный маршрут
Всё время разлучает нас с тобой.

И вот прощанья время настаёт,
Двоим из нас на север путь прямой.
А что машина? И она уйдёт,
Машине тоже хочется домой.

А мы стоим и думаем о том,
Что все дороги уезжают с ней.
Теперь нам всё пешком, пешком, пешком,
И с каждым днём трудней, трудней, трудней.

Уже рычит натруженный мотор,
Прощай дружище, некого винить.
И в тундре не забыть нам этих гор,
А впрочем, в двух словах не объяснить.

Сезон в полях – совсем не лёгкий труд,
Не встретишь здесь ни горничных, ни слуг.
И каждый неоконченный маршрут
Весомая причина для разлук.

И вот уже не держат тормоза,
И птицы ошалелые летят.
И женщины глядят во все глаза,
Мы чувствуем, куда они глядят.

Кузнецкий Алатау, июль 1978

Страдания энтомолога

Владимиру Ерышову

Всё стафилины, всё мертвоеды!
Мне весь сезон бороться с ними до победы.
Чтоб их привлечь со всей округи до избышки,
Я разбросал им мясные тушки.

Эй, мертвоеды, эй, стафилины!
Я на десерт вам приволок коровьи «мины»,
А чтоб ползти ко мне желанье не затухло,
Смотрите, мясо как раз протухло!

Всё мертвоеды, всё стафилины!
Моя задача – их собрать со всей долины,
И в пять утра, как только прозвонит будильник,
Шагаю гордо в скотомогильник.

Эй, стафилины, эй, мертвоеды!
Я из-за вас уже неделю не обедал,
Чтоб вы поверили, что это не обманки,
Я сам не кушал, всё для приманки!

Всё мертвоеды, всё стафилины!
Начальник утром как всегда ушёл в малину,
А я и вкуса этой ягоды не помню,
Клещи и слепни моим – не ровня!

Здесь стафилины, тут мертвоеды,
А там с гитарой под душевную беседу.
Да я бы сам любую песню им бабахнул!
Меня не примут, поскольку пахну.

Всё стафилины, всё мертвоеды!

Вон там Серёга снова лазает по кедром,
А мне на дерево, так жизнь пока дороже,
Рождённый ползать, летать не может!

Всё мертвоеды, всё стафилины!
Ещё немного половлю и просто сгину.
Да что за жизнь? Да пусть все сборы пропадают!
Пойду к объектам, пускай съедают!

июль 1978

Грызуны

специалистам по мелким мышевидным грызунам

Грызуны, вы мои грызуны,
Вот мышовки, а вот бурозубки.
И ночами при свете луны
Как дантист я вам меряю зубки.

Грызуны, вы мои грызуны,
Экономки и просто рябые.
Не дожили до новой зимы
И в науку ушли молодыми.

Грызуны, вы мои грызуны.
Вы горою пылитесь на полке.
Как Христос безо всякой вины
Вы распяты на ржавых иголках.

Грызуны, вы мои грызуны,
Черепов, словно твой Верещагин,
И в подстилке родной стороны
Вы, наверно, своё отпищали.

Грызуны, вы мои грызуны.
Вы почти как Джоконда прекрасны,
Если вас потереть о штаны
После качественной дифокраски.

Грызуны, вы мои грызуны,
Запах ваш я вовек не забуду.
Миражи, как кошмарные сны,
Каждый день посещать меня будут.

Кузнецкий Алатау, 1979

Черневая тайга муз. Ю. Визбора

Голубой опрокинутой чашей
Бирюзовое небо лежит,
И мозаика пёстрых букашек
На цветах пред глазами дрожит.
И родной *Persulcatus ixodes* (клещ)
Поджидает в высокой траве.
Это комплекс, пойми, это комплекс
В экспедиции и в голове.

Зеленеют листвою деревья,
Хвойным запахом пахнут леса.
И забытую нашу деревню
Покрывает обильно роса.
И дороги печальным укором
Подрывают здоровья бюджет.
Это горы, пойми, это горы,
Невысокий, но всё же хребет.

Каждый ищет под солнцем местечко.
Каждый что-то рычит и жужжит.
И инстинкт – этот двигатель вечный
Продолжает нелёгкую жизнь.
И различные дикие звери
Носят зубы, копыта, рога.
Это дебри, пойми, это дебри,
Это всё черневая тайга.

Кузнецкий Алатау, 1979

Таёжный фокстрот

Как в таёжной избе славно печку разжечь
И пожарить мясные котлеты.
Мы с Володькой, встряхнув косою саженью плеч,
Запасаем дрова на всё лето.

Восемь женщин, студенты и два мужика,
Пара брёвен на сутки примерно.
Эх вы, мышцы спины! Эх, стальная рука!
Эх, топорик, напарник мой верный!

Завтра утром машина обратно уйдёт,
На себе всё таскать несподручно.
И бревно за бревном ловко в руки идёт,
И внутри что-то ухаает звучно.

Не робей, не скучай слабый женский состав,
Как-никак мужики перед вами!
Эх вы, мускулы плеч! Эх ты, крепкий сустав!
Эх ты, шея моя под дровами!

Чтобы баню топить, чтоб сушиться в грозу,
Навались-ка мужская элита!
Навались-ка, пока не скрутило внизу
Обязательным радикулитом.

С окончанием дров отдохнуть бы не прочь,
Повалиться на солнышке трошки,
Но начальник зовёт, нужно бабке помочь,
Пропадёт семенная картошка.

Что нам? Грех не пойти, ведь на несколько вёрст
То последние наши соседи,
Не считая людей, что придут на покос,

И на профиле пару медведей.
А пока с перекурами дело идёт,
Все заботы – картофь да лопата!
Тоже творческий труд, тоже мысли полёт,
Улетающих вдаль без возврата.

Десять соток вскопать, пропахать по меже
И землёй не запачкать коленки.
Этот опыт с лихвою накоплен уже
На полях ОПХ «Сидоренко».

А бабуля, другой вам такой не найти,
Да и дед – калоритна фигура,
Так сказать, характерный классический тип
Из классической литературы.

Огород до темна одолели вдвоём,
Вкусно женщины жарят котлеты,
Ведь заботы о хлебе насущном своём —
Это вам не нытьё в кабинетах.

И пока сочинялася эта строка,
Где-то филин за горкою ухал,
Принесла нам бабуля кувшин молока,
А дедуля достал медовуху!

Кузнецкий Алатау, май 1978

Мензальная съемка

Опять над головой звенит листва,
Звенит тихонько как аккорд гитарный.
И полигон в глазочке окуляра
Сегодня умещается едва.

А полигон, ведь это целый мир,
Мир красок, мир цветов и мир улыбок.
И верный наш товарищ, нивелир
Работает пока что без ошибок.

Визирок впереди неровный ряд,
Среди деревьев плохо различимый,
И самые различные причины
Пытаются нас повернуть назад.

Назойливо зуденье комара
За нами всюду двигается следом.
Пятиминутный отдых у костра,
И завтрак вместо сытного обеда.

На рейке есть размеченный пунктир,
Высоты по нему определяют,
Но каждый кроме этого мечтает
Свои высоты трудные пройти.

Свои непроторённые пути,
Свои непокорённые вершины,
Где слабых и бездушных не найти,
Где судят о годах не по морщинам.

Ты правильно штатив установил
И объектив без чёрно-белой плёнки.
Очередная мензальная съёмка,
Знакомая как старый кинофильм.

Ты сам и сценарист и режиссёр,
Собою заполняешь эпизоды.
И вместо кинокамеры прибор
Снимает профиль вплоть до горизонта.

Диаметр, высоты, интервал,
Здесь выверено всё до миллиметра.
И кажется в отдельные моменты,
Что ты деревья сам нарисовал.
Степенная и гордая тайга,
Не каждому даны твои красоты.
Географа работа не легка,
Биолога нелегкая работа.

Кузнецкий Алатау, август 1980

Прощальная друзьям-однокурсникам

Друзья, вы слышите, друзья
Хрустальный звон,
 прощальный звон дождевой чистой.
Когда случайная слеза
В ночи растает отголоском серебристым.

И как седеют на рассвете тополя,
Опять прощаясь с пожелтевшими листьями,
Так и мы порою расстаёмся с вами.
Друзья, вы слышите, друзья.

Друзья, вы помните, друзья,
Знакомый голос чуть охрипнувшей гитары.
Блестят усталые глаза
И головёшки от костра под кедром старым.

В воде полощется вечерняя заря,
Пространство теней паутинками опутав.
Наши самые счастливые минуты
Друзья, вы помните, друзья.

Друзья, вы вспомните, друзья
Все наши встречи и разлуки, и тревоги.
Уже не повернуть назад
Походным шагом пережитые дороги.

И наши песни нам забыть никак нельзя.
И наша память успокоиться не хочет...
Если я вам напишу хоть пару строчек,
Друзья, ответьте мне, друзья.

Томск, октябрь 1978

Ты поверь супруге Ирине

Ты поверь, я себя никогда не считал за поэта,
Не сидел до утра за мелованным нотным листом.
Просто сами собою сегодня сложились куплеты
Под простой перебор

и мотив трёх аккордно простой.

Просто хочется петь

у костра обо всём понемногу,

Пусть гитара простыла

от назойливых летних дождей.

Только вот без тебя, дорогая моя недотрога,

Не хватает любви, не хватает хороших людей.

Слышишь, снова звенят в тишине комариные дали,
Видишь, месяц июнь облаками повис над тайгой.
И бродяги-ветра всё никак не слабеют с годами,
И трудяги-дожди всё никак не сольются с рекой.

За Подлунным гольцом

до утра заплутали зарницы,

А глухая тропинка змеёй убегает назад.

Только вот без тебя

даже кедры, напудрив ресницы,

Предрасветной росой,

как слезой затуманят глаза.

А старушка луна полинявшей ущербной заплатой
Прочертила по небу уходящий к тебе полукруг.
И звенящий аккорд соловьиной полнотной сонаты
Чуть по струнам задел

и тревожно рассыпался вдруг.

Чёрно-белый Июс,

пожилой заповедный кудесник,

Свою новую сказку кому-то спешит рассказать,

Только вот без тебя даже самые лучшие песни
Почему-то подруга-гитара не хочет играть.

Ты поверь, я себя никогда не считал за поэта,
Не сидел до утра за мелованным нотным листом.
Просто сами собою сегодня сложились куплеты
Под простой перебор

и мотив трёх аккордно простой.

Так давай помолчим,

прекратим эти вечные споры,

Не тревожа ничем

предрассветный таёжный покой,

Чтоб пройдя без тебя все Алтае-Саянские горы,

Ни на час, ни на миг

не сорваться последней строкой.

Кузнецкий Алатау, июнь 1980 —2010

Песня отрядного начальника

Наши беды совсем не случайные,
Власть добром никогда не кончается.
Это участь отрядных начальников,
С ними всякое в жизни случается.

Придавила большая ответственность,
Как ножом ежедневные жалобы.
Каждый день как тюремный подследственный
Сочиняешь весомое алиби.

Позакручены нервы канатами,
Только всё же канаты не прочные.
Сам с собой объясняешься «матами»,
А с другими пока ещё прочими.

Только где же такая отдушина,
Чтобы в ней затаиться как в пропасти.
Но без спирта жизнь, в общем-то, скучная,
С молока ж только бегаешь попусту.

И ночами кошмарными снятся мне
Фунты стерлингов, йены и тугрики,
Как на Западе злая инфляция
Подкосила отрядные рубрики.
И тоска мне авансом заказана,
Слёзы горькие на люди просятся.
Каждый день неприятности разные,
Да к тому ж по утрам «безголосица».

Никуда в этой жизни не денешься,
Горькой долей сполна переполненный,
Хоть в штормовку, хоть в смокинг оденешься —
Вмиг разыщут письмом или молнией.

И страдаешь церковным затворником,

Выполняя обязанность скучную.
Лучше опохмелившись дворником
С интеллектом до первой закуской

Кузнецкий Алатау, июль 1982

Грустная горная песня

Зачем нас в горы каждый год влечёт,
И что нас держит здесь, скажи на милость?
Без выходных – и съёмка, и учёт,
И комарьё, и лагерная сырость.
А где-то там оставлена семья,
А где-то там любовь по свету бродит.
Всё где-то там... А здесь судьба моя —
Ходить в маршруты при любой погоде.

Дожди, дожди, сегодня как вчера,
До хрипоты, до одури проели.
И безнадежно друг ворчит с утра,
Что нас накроет снег через неделю.
А где-то там распаренная печь,
Уютный дом – не старая палатка,
Не пьяный храп, а дружеская речь,
И не «чифирь», а кофе в меру сладкий.

Усталым взором обведу окрест,
Я здесь отрезан от большого мира.
А в синем небе – мой «нательный крест»
Куда-то прочь увозит пассажиров.
И среди них меня конечно нет,
И вместо «взлётных» я грызу сухарик.
В кармане смят автобусный билет,
Кругом тайга, причём тайга глухая...

Кузнецкий Алатау, 1983

Дуэт с внутренним голосом

Не найти мне другого Мессию
(Ни в жисть)
От Австралии и до Канар.
(Так и знай)
Всех дороже мне Малая Сья —
(Держи)
Исторический стационар.
(Наливай)

Чем так тянет сюда и так манит,
(Сейчас)
Я всецело воспроизвожу,
(Хоть убей)
Когда утром в белесом тумане
(Как раз)
Я с налитым стаканом сижусь.
(Ну, так пей!)

Каждый день как торжественный праздник,
(Ура!)
А сегодня начальник сказал:
(Не спеши)
Эта Сья – Союзный заказник!
(Пора)
Я тогда два по 100 заказал.
(От души)
Но история памятна датой
(Одной)
Как какой-то мудрец говорил.
(Наливай!)
За него мы подняли по пятой,
(Постой)
По шестой? Ладно, уговорил.
(Ну, бывай)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.